

Отец Цзян, не зная о его мыслях, просто сказал, чтобы тот взял деньги и покупал всё, что нужно на кухне. Он понял: кухонные дела лучше доверить зятю-гэ'эру. Его сын, пожалуй... больше годится для заточки ножей. И это не хвастовство. Во всей деревне Сяошань, будь то старики, прожившие жизнь, или сам мясник Чжан, никто не умел точить ножи лучше его гэ'эра. Когда его гэ'эр точил ножи, его движения были быстрыми, как ветер, а лезвия получались блестящими и острыми — никто в деревне не мог с ним сравниться. Но готовить... лучше не надо.

— Это немного, но пока возьми, — сказал отец Цзян, уже не считая его чужим. — Только что спускался с горы, встретил твоего старшего двоюродного брата. Он сегодня помогал семье своего тестя. Семья Ли передала мне, что они хотят выкопать пруд для рыбы, просили меня завтра прийти.

Хотя отец Цзян хромал и работал медленнее других, он был трудолюбивым и честным, никогда не ленился. Поэтому, как только у семьи Ли появлялась работа, они сразу вспоминали о нём.

— Двадцать вэней в день. Позвали всего несколько человек, так что, думаю, копать будем несколько дней. Деньги, что ты за змею выручил, пока не трогай, копи. Как накопим достаточно, отец вам свадьбу сыграет.

Бай Цзыму тут же просиял. Он поспешно взял деньги, принёс отцу Цзяну стул и принялся усердно массировать ему плечи.

— Отец, я вас просто обожаю! Садитесь, я вам массаж сделаю, чтобы вам стало хорошо.

Отец Цзян замер на мгновение, а потом рассмеялся.

Цзян Сяосань притащил свой стульчик, сел рядом с отцом и хихикнул:

— Гэфу, Сяосань тоже хочет, чтобы ему стало хорошо.

— А ну-ка, иди отсюда, — отмахнулся Бай Цзыму. Этот сорванец ещё захотел, чтобы он ему массаж делал. Раскатал губу.

Помассировав отцу плечи некоторое время, Бай Цзыму ускользнул. Цзян Сяои как раз закончил купать Цзян Сяоэра и вошёл в комнату.

— Закончил? — Бай Цзыму подошёл к нему. Цзян Сяоэр сидел на коленях у старшего брата, худой до того, что рёбра выпирали, но с животиком, надутым, как маленький арбуз. Бай Цзыму потрогал его.

Цзян Сяоэр рассмеялся, его лоб покрылся испариной.

— Щекотно! Гэфу щекочет!

Бай Цзыму щёлкнул его по лбу. Видя, что Цзян Сяои тоже улыбается, он вдруг указал на дверь.

— Ого, что это там? Инопланетянин?

Цзян Сяои и Цзян Сяоэр инстинктивно повернулись к двери. Бай Цзыму, воспользовавшись моментом, быстро чмокнул Цзян Сяои в щёку.

Цзян Сяои прикрыл лицо рукой, его глаза сияли.

— Что ты делаешь?

Цзян Сяоэр растерянно посмотрел на Бай Цзыму. Тот хотел было что-то сказать, но Цзян Сяои, как и днём, подставил другую щёку и уверенно заявил:

— Ты поцеловал левую, а правую нет. Правая обидится и устроит бунт. Быстро поцелуй её, скорее, скорее.

Бай Цзыму потерял дар речи.

— Неужели всё так серьёзно?

— Угу, угу, — Цзян Сяои обожал, когда Бай Цзыму его целовал. Каждый раз он был на седьмом небе от счастья.

Бай Цзыму, сдерживая смех, поцеловал и другую щёку. Цзян Сяои был доволен, чувствуя прилив сил. Бай Цзыму смотрел на его улыбающееся лицо, на ямочки на щеках, и у него зачесалось в сердце. Но свадьбы ещё не было, и кроме тайных поцелуев за спиной отца Цзяна, он ничего не мог себе позволить. До чего же досадно медведю.

***

Деревня Люцзян.

С тех пор как Бай Цзыму ушёл, Лю Хуцзы постоянно испытывал необъяснимую тревогу.

Второй и третий этажи таверны «Фулай» были отведены под отдельные кабинеты, где обедали

состоятельные люди. Но одежда Бай Цзыму никак не соответствовала уровню посетителей второго этажа. Лю Хуцзы не думал, что тот пришёл наниматься на работу, ведь все предыдущие соискатели были людьми в возрасте. В основном это были старые учёные, которые отчаялись сдать экзамены и были вынуждены работать, чтобы прокормить семью, или управляющие небольших таверн, желавшие перейти к ним. Ни один молодой человек не претендовал на эту должность, потому что в объявлении было чётко указано: требуется опыт, умение вести счета и разбираться в управлении.

Последние два условия были выполнимы, но первое — опыт — означало, что человек уже занимался подобной работой, а значит, ему должно было быть за двадцать.

Поэтому Лю Хуцзы и не подумал в этом направлении. Слова Бай Цзыму были ему непонятны, и он чувствовал себя неуверенно. Увидев, что управляющий спускается с лестницы, он, подумав, подошёл и окольными путями спросил, кто это был — гость или... родственник хозяина?

Не успел он договорить, как управляющий искоса взглянул на него.

— Это твоё дело — совать нос куда не следует? Всю работу уже сделал?

Лю Хуцзы больше не смел ничего говорить. После работы он поспешил домой. Войдя во двор, он увидел свою мать, госпожу Лю, и жену, которые перебирали овощи. Не успев даже выпить воды, он спросил:

— Мама, Цзян Сяои женился?

Деревня Люцзян и деревня Сяошань находились близко, всего в тридцати минутах ходьбы. Между деревнями было много смешанных браков. Сейчас была пора полевых работ, и многие замужние дочери вернулись в родные дома. Новость о семье Цзян скрыть было невозможно. Теперь об этом знали не только в Люцзяне, но и в более отдалённой деревне Шилитунь.

Госпожа Лю, конечно, знала.

— Не женился, а взял подходящего зятя-гэ'эра. А что ты спрашиваешь?

Цзюаньцзы тоже с любопытством посмотрела на мужа.

Лю Хуцзы нахмурился.

— А мама знает, откуда он? Я сегодня в таверне его встретил.

Материнское сердце не обманешь. Госпожа Лю поняла, о чём он беспокоится. Недавно они «обидели» семью Цзян, опозорив их. Чжан Дая даже приходила к ней скандалить. Если у этого

зятя Цзян Сяои окажется знатное происхождение, и он хоть немного будет любить своего фулана, то непременно придёт с ними разбираться.

Госпожа Лю усмехнулась.

— Ты зря беспокоишься. Этот зять Цзян Сяои, говорят, беженец с севера. Жить было не на что, вот и стал приходящим зятем-гэ'эром Цзян Сяои.

Лю Хуцзы вздохнул с облегчением, но всё же что-то не давало ему покоя.

— Но сегодня в таверне...

— Эх, ты просто зря волнуешься, — госпожа Лю, будучи в годах, многое повидала и отмахнулась. — Беженцы часто побираются. Наверное, по своей старой привычке — пошёл к вам милостыню просить.

В этом была своя логика. Таверна «Фулай» была построена на славу, величественная и дорогая. Местные жители, проходя мимо, испытывали трепет, не говоря уже о том, чтобы зайти внутрь. Но нищим всё было нипочём. Когда голод сводит желудок, страх отступает. Иногда ради куска еды они готовы на всё. Лю Хуцзы, проработав в таверне много лет, не раз видел, как нищие заходили просить еду.

Подумав об этом, Лю Хуцзы окончательно успокоился.

Госпожа Лю, видя, что он расслабился, усмехнулась и, повернувшись к Цзюаньцзы, которая всё ещё сидела, недовольно сказала:

— Цзюаньцзы, ты что, ослепла?

Цзюаньцзы растерянно ответила:

— А? Нет, мама.

Госпожа Лю заговорила раздражённо:

— Нет? Тогда почему, видя, что Хуцзы вернулся, ты сидишь? Не знаешь, что надо ему воды подать? Тебя так мать учила мужу служить?

— Мама, я... я... — Цзюаньцзы растерялась. Госпожа Лю была женщиной властной, и она не смела ей перечить. Она посмотрела на Лю Хуцзы в надежде, что он за неё заступится, но тот отвёл взгляд и ничего не сказал, очевидно, соглашаясь с матерью.

Глаза Цзюаньцзы тут же покраснели.

Госпожа Лю, проводив её взглядом до кухни, усадила Лю Хуцзы рядом и завела разговор:

— Раньше я только и слышала от твоей тётки, какая эта Цзюаньцзы распрекрасная. А как привели в дом, оказалось, ничего делать не умеет. Ты не знаешь, на днях, во время жатвы, я позвала её с собой, а она, едва начав, уже жалуется, что жарко. Потом я велела ей дома обед приготовить, так мы к обеду вернулись, а у неё ещё ничего не готово. Жалко мне моих пяти лянов серебра.

При этих словах госпожа Лю разозлилась. Она думала, что, женив сына, найдёт помощницу по хозяйству и сможет отдохнуть. А эта невестка, кроме красоты, ничего не умеет.

Она презирала семью Цзян и не ставила ни во что семью Сунь, поэтому говорила громко, не стесняясь. Цзюаньцзы на кухне всё прекрасно слышала. Когда они только договаривались о свадьбе, она виделась с госпожой Лю в городе. Тогда та была очень любезна, даже повела её с матерью есть вонтоны. Её мать тогда сказала:

— Сестра Лю, раз уж мы породнились, не буду от тебя скрывать. Цзюаньцзы — наша младшенькая, мы с отцом её всегда баловали, ни в поле работать, ни по дому что-то делать не заставляли. У вас в доме ты уж присмотри за ней.

— Ох, сестрица, что ты такое говоришь! Я как увидела твою Цзюаньцзы, так сразу её полюбила. Если она выйдет замуж за моего сына, пусть хоть ничего не делает, не беда. Я её буду только любить, как же я могу заставить её работать? У моего Хуцзы есть работа, он нас прокормит.

Госпожа Лю тогда улыбалась:

— К тому же, жену в дом берут не для работы. Я не из тех свекровей, что невесток изводят, так что, сестрица, не беспокойся.

Тогда госпожа Лю говорила так красиво, и Цзюаньцзы думала, что ей повезло: и муж работающий, и свекровь добрая. В день свадьбы, сидя в паланкине и слушая разговоры снаружи, она даже украдкой приподняла занавеску, чтобы посмотреть на своего Лю Хуцзы, и случайно увидела Цзян Сяои, который стирал бельё у реки. Тот смотрел на свадебную процессию с таким унынием и разочарованием, его взгляд был пустым, казалось, он очень опечален.

Она тогда почувствовала своё превосходство. В деревне все хвалили Цзян Сяои, какой он умелый. Её это немного задевало. Ну и что, что умелый? Всё равно жениться не может. А семья Лю выбрала именно её.

Она мечтала, что, выйдя замуж, будет жить с мужем в гармонии, а свекровь будет её любить.

Но прошло всего несколько дней после свадьбы, а госпожа Лю уже изменилась, постоянно её упрекала, что она то не умеет, это не умеет. Но ведь раньше она ничего не скрывала, и госпожа Лю сказала, что это неважно. А теперь вот так.

Цзюаньцзы вытерла слёзы и молча налила чашку воды. Она дома никогда не работала. В поле трудились отец и старший брат, по дому — мать и невестка. Она ничего не делала. Она думала, что семья Лю богатая, и она, выйдя замуж, будет жить в достатке. А оказалось, что никакого достатка нет, зато работы навалилось с избытком. Цзюаньцзы было очень обидно.

Снаружи Лю Хуцзы участливо сказал:

— Мама, раз уж она ничего не умеет, вы бы её поучили, когда будет время.

— Конечно, научу. А то когда мы с отцом состаримся и не сможем работать, кто о тебе позаботится? Кто по дому будет делать? Жена твоего младшего брата ещё маленькая, её нельзя заставлять работать.

Госпожа Лю стряхнула с рук прилипшую грязь и продолжила:

— И это не какая-нибудь барышня из города, чтобы вставать с постели еле-еле. Хуцзы, ты ей больше не покупай всякую ерунду. Эти пудры на лицо мазать, какой в этом толк? Только деньги на ветер.

Лю Хуцзы сказал:

— Мама, это не я покупал.

— Не ты? Значит, на своё приданое купила. Я видела, у неё две коробочки ещё новые. Уже замужем, а всё мажется и мажется, на что это похоже?

Госпожа Лю нахмурилась.

— Были бы деньги, так лучше бы отложила. Сколько есть — всё потратить хочет. Вот сейчас истратит всё, а потом, если заболеет, придёт ко мне деньги просить. Посмотрим, дам я ей или нет.

Лю Хуцзы молчал. Он знал, что мать беспокоится о нём. Он также знал, что девушки любят наряжаться. Сейчас Цзюаньцзы тратит своё приданое, но когда оно закончится, она ведь придёт к нему? Другие, не знающие, считают, что раз он зарабатывает несколько сотен вэней в месяц, то это большое достижение. Но Лю Хуцзы знал, что счетовод и управляющий в таверне получают по несколько лянов в месяц — вот это настоящее достижение. Он зарабатывает лишь крохи по сравнению с ними. Эти несколько сотен вэней он зарабатывает, кланяясь и унижаясь. Ему было жалко тратить их на прихоти Цзюаньцзы.

— Я поговорю с ней, — глухо сказал Лю Хуцзы.

Цзюаньцзы замерла. Она слушала на кухне уже долгое время. Свекровь её не любила, а теперь и муж не заступался за неё. Ей стало холодно на душе.

***

На следующий день отец Цзян, взяв мотыгу и лопату, рано утром отправился в деревню Люцзян.

Старший сын Ли Гуанцзу знал в городе нужных людей и имел связи. В городе-префектуре хорошо продавалась рыба, и он решил заняться её разведением, чтобы потом возить туда на продажу. В маленьких городах дорогие товары часто продаются ещё дороже, и наоборот. Пучок зелени в городе стоил два вэня, а в префектуре его можно было продать за четыре-пять. Бедные семьи не очень любят рыбу — в ней мало жира, но богатые её обожают.

У его семьи было несколько заливных полей, которые не очень годились для земледелия. Под землёй там постоянно просачивалась вода, и они никак не высыхали. Грязь была такая вязкая, что, ступив туда, человек тут же начинал тонуть и мог уйти по пояс. Сажать рис, полоть — всё было очень трудно, и урожай получался плохим. У деревни Сяошань тоже было несколько таких жёлтых полей.

Ли Гуанцзу стоило огромных усилий уговорить родителей превратить эти поля в пруд для разведения рыбы. В семье Ли было не так много работников. Старик Ли решил нанять помощников. Отец Цзян был трудолюбивым, и, зная о его положении, старик Ли решил помочь ему, позвав на работу.

Отец Цзян ушёл сразу после завтрака.

Цзян Сяои, помыв посуду и прибравшись, остался дома. Лекарство для Цзян Сяоэра, которое они пили последние два дня, закончилось, и нужно было сварить новое. Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань этого делать не умели, так что пришлось ему.

Бай Цзыму, понежившись с Цзян Сяои на кухне, решил помочь. В бочке закончилась вода, нужно было принести. Но коромысло он держать не умел, а другое ведро нужно было Цзян Сяои, поэтому он просто взял одно ведро в руку и вышел из дома.

До места сушки зерна было недалеко. По пути он встретил многих, кто с мотыгами шёл в поле. Некоторые его не знали, но лицо у него было незнакомое, а слух о том, что семья Цзян взяла в дом очень красивого зятя-гэ'эра, уже разнёсся по деревне. Увидев его, все сразу всё поняли.

Раньше все говорили, что он красив, а теперь, увидев воочию, убедились — и вправду очень хорош. За всю жизнь они не видели таких красавцев. Лицо белое, выглядит совсем не как

деревенский, а скорее как молодой учёный. Неудивительно, что у гэ'эра Цзяна голова пошла кругом.

Один дядька даже поздоровался с ним:

— Парень Бай, за водой идёшь?

Бай Цзыму кивнул ему.

— Да. А вы, дядя, в поле?

Дядька просто спросил из вежливости и не ожидал ответа. Ведь Бай Цзыму выглядел таким гордым и недоступным, совсем не похожим на них. Дядька удивился и обрадовался.

— Да, сорняки пойду полоть.

Говоря это, он невольно заглянул в ведро Бай Цзыму, и его лицо тут же вытянулось. Но он был человек добрый и сказал:

— Ну, тогда иди скорее домой.

В ведре было всего две капли воды. Если не поторопиться, они испарятся.

Многие тоже это увидели. Раньше они слышали, что он — больной саженец, работать не может, до поля не дойдёт — упадёт. Но сейчас, видя высокого Бай Цзыму, они не верили. А теперь поверили. Этот больной саженец был настолько слаб, что не мог работать, и сил у него, видимо, не было. Посмотрите, несёт воду, а в ведре — две капли. Такой... в постели-то силён?

Некоторые женщины качали головами и вздыхали. «Эх, жалко Цзян Сяои. Жить вдовцом — это такая мука. Сейчас он молод и не понимает, а потом жалеть будет».

Бай Цзыму заметил, что они смотрят на него как-то странно, но не придал этому значения и весело пошёл домой.

Цзян Сяои разжигал огонь на кухне. Увидев, что он вернулся с пустым ведром, он удивился.

— Что случилось? Ты же за водой ходил?

— Ведро протекает, — с досадой сказал Бай Цзыму. — Что делать? — Чинить такие вещи он не умел.

Цзян Сяои взял ведро, поднял его и внимательно осмотрел. Нижняя доска рассохлась, и на дне образовалась щель. Сейчас идти заказывать новое было поздно.

— Пойду к дяде одолжу, — он направился к выходу. — Ты присмотри за огнём и позови Сяоэра и Сяосаня.

Последние несколько ночей Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань после купания приставали к Бай Цзыму, хотели с ним играть. Иногда они играли до глубокой ночи и не хотели спать. Только когда Цзян Сяои, засучив рукава, строго на них смотрел, они убегали в свою комнату.

Одежда была из грубой ткани и натирала кожу. К тому же, раньше они часто писались в кровать. У Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня было всего несколько смен одежды. В жаркую погоду Цзян Сяои разрешал им спать голышом. Со временем они привыкли спать без одежды.

Бай Цзыму открыл дверь, и два белых голых зада повернулись к нему. Он подошёл и шлёпнул каждого.

— Вставайте, вставайте, а то попы на солнце сгорят.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань не капризничали, хоть и не выспались. Открыв глаза и увидев Бай Цзыму, они обрадовались и, протирая глаза, сонно пробормотали:

— Гэфу, почему ты так рано встал?

— Рано? Уже вечер, — со вздохом сказал Бай Цзыму.

— А! Что же делать, Сяосань ещё не завтракал, всё пропало.

Бай Цзыму молчал.

— Быстро вставайте.

Они играли вчера допоздна и всё ещё хотели спать. Бай Цзыму звал их, но они лежали без сил, лениво не двигаясь.

— Не встаёте, да? — хмыкнул Бай Цзыму. Он сжал руки в кулаки и набросился на Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня. — Получайте мои «Восемнадцать ладоней, усмиряющих задницу»...

Цзян Сяои, неся на коромысле вёдра с водой, только вошёл во двор, как из комнаты выскочил Цзян Сяосань, придерживая штаны и сверкая голой попой. Неизвестно, во что они играли, но он был весь в поту и смеялся.

— Старший брат, старший брат, спасай! Гэфу дерётся!

Цзян Сяои посмотрел на его попу — обе ягодицы были красными от шлепков. Цзян Сяоэр в комнате продолжал визжать. Цзян Сяои не обратил внимания, натянул на него штаны и пошёл за водой.

Лекарство сварилось. Цзян Сяои не пошёл в горы, решив сначала прополоть сорняки на поле с соей. Прошлой ночью снова прошёл дождь. Если не прополоть, сорняки, «напившись» досыта, тут же вырастут до колена. Ростки сои росли медленно, и сорняки их заглушат.

Бай Цзыму пошёл с ним.

В деревне говорили, что он ленивый и больной. Бай Цзыму всё понимал. Сегодня он решил показать им всем. Перед выходом он даже попросил Цзян Сяои наточить мотыгу. Он хотел, чтобы вся деревня увидела: он, Бай Цзыму, не больной саженец. Какая-то там работа в поле — для него мелочь. Если он возьмётся за дело всерьёз, он будет работать лучше всех.

Работать в поле ему не приходилось, но полоть сорняки — дело нехитрое, любой справится.

Жители деревни, узнав, что он снова пошёл в поле, хотели было пойти посмотреть, но не успели дойти до подножия горы, как увидели, что Цзян Сяои несёт Бай Цзыму на спине обратно.

Что случилось? Снова в обморок упал?

Но нет. Один осведомлённый человек тут же поделился новостями:

— Нет, этот зять семьи Цзян в полном порядке. Кто там говорил, что он больной саженец? Настоящий вун.

— Но в прошлый раз он ведь и правда упал в обморок?

— Это он просто к нашему климату не привык, вот и упал.

— Точно. Вы бы видели, как этот зять Цзянов сорняки полонил! Ого-го, какой молодец! Раз-раз-раз, и готово! Я только два ряда прополонил, поднимаю голову, а он уже пять! Быстрый, как ветер.

— Да уж, полонил он так яростно, что даже собственную ногу не пожалел.

Бай Цзыму лежал на кровати, изображая умирающего. На ноге у него была красная царапина

от мотыги.

Цзян Сяои смотрел на него с такой болью, словно у него сердце вырезали.

— Больно? Может, позвать врача?

Бай Цзыму покачал головой и с серьёзным видом, будто действительно был при смерти, слабым голосом произнёс:

— Эту рану врач не вылечит.

— А? — испугался Цзян Сяои. Неужели всё так серьёзно? Царапина, которую не может вылечить врач? Если бы такая царапина была у него, она бы зажила, не успей он вернуться домой. Но он вспомнил, что Бай Цзыму — медведь, и когда мотыга его задела, он катался по земле и кричал, будто ему ногу отрубили... Может, у медведей всё по-другому, не как у людей.

Он тут же запаниковал.

— Тогда что делать?

— Мой мастер говорил, что у меня особое телосложение. Если я поранюсь, обычные лекарства не помогут. Но если меня поцеловать с любовью, то я тут же спасусь от любой беды, — Бай Цзыму указал на свои губы, намекая на поцелуй.

Цзян Сяои замер. Он был не дурак.

— Ты меня только что обманул?

— Нет! — с полной серьёзностью ответил Бай Цзыму. — Разве я такой человек?

Цзян Сяои был так напуган, но после слов Бай Цзыму понял, что всё в порядке. Он разозлился и шлёпнул его по ране. Увидев, как Бай Цзыму взвыл и скорчился от боли, он чуть не рассмеялся, но сделал строгое лицо.

— В следующий раз будешь меня обманывать?

— Я тебя не обманывал! — упрямо твердил Бай Цзыму. Было и вправду больно. Если бы он в последний момент не применил немного магии, его нога осталась бы на поле. Нога хоть и цела, но боль была настоящая.

— Ты ещё споришь! — Цзян Сяои резко встал. — Сегодня я тебя проучу, чтобы ты знал, какой я

грозный.

Бай Цзыму моргнул, почувствовав необъяснимый страх.

— Что ты имеешь в виду?

Цзян Сяои не ответил и вышел из комнаты. Бай Цзыму, испугавшись, что тот и вправду рассердился, вскочил с кровати и побежал за ним. Но у двери он резко затормозил, словно увидел что-то ужасное, и, побледнев, бросился обратно в комнату, плотно закрыв за собой дверь.

Цзян Сяозэр и Цзян Сяосань как раз вернулись с огорода. Увидев Цзян Сяои, они закричали:

— Старший брат, старший брат, я слышал от тётушки Ли, что гэфу снова упал в обморок. С ним всё в порядке? Где гэфу? Старший брат, зачем ты точишь нож?

Цзян Сяои, глядя на запертую дверь, рассмеялся. Он знал, что Бай Цзыму больше всего боится, когда он точит ножи. Когда тот был медведем, при виде точильного камня у него дрожали лапы. Став человеком, он всё равно боялся.

Так ему и надо. Нечего было его пугать.

Цзян Сяои снова пошёл в поле полоть сорняки.

Бай Цзыму, увидев, что он ушёл, наконец, вздохнул с облегчением.

Цзян Сяосань, услышав шум в комнате, подбежал и постучал в дверь.

— Гэфу, ты там?

<http://bllate.org/book/13701/1591219>